

Татьяна Мартынова

Мама

Среди тонких рябин и кустарников смутно светят белые стены приземистых домиков, в которых все окна на ночь заперты ставнями. Мама стоит на перекрестке уснувших улиц нашего городишки, затерянного в центре Нечерноземья, в еле видимом желтом пятне уличного фонаря, и вглядывается в темноту... Фонарь поскрипывает на столбе, и пятно света колеблется туда-сюда, послушное ветру. Летняя ночь двигается какими-то рывками по небу, собирая в одно кружевные сиреневые тучи, окликается трепетом никогда не стриженных веток кустов акации и жасмина и вдруг окружает тревожной молчаливой неизвестностью и отнимает чувство времени, заменяя его иными ощущениями. Совсем рядом, над головой тревожно мигает крупная золотистая звезда, пытающаяся, как глухонемой, что-то объяснить моей маме на своих мелькающих пальцах.

Мама ждет. Но ведь все матери ждут, и в этом нет ничего необычного. Я не думала о ней целый день, целый вечер. Я же взрослая. И не думаю сейчас, когда иду в темноте по мягкой колее дороги посередине улицы. Безлюдье и тишина глубокой ночи занимают меня. И редкие звезды подмигивают друг другу. Когда я запрокидываю голову, звездная ткань с прорехами передвигается, легко меняет очертания и притягивает взор до головок окружения. Только что закончилось невероятное приключение, и чудом закончилось хорошо. Николай пригласил мою подругу Свету покататься на автобусе. Он же водитель пассажирского автобуса. Как можно было отказать? Она и ее друг Иван – это младший брат Николая – поманили и меня: «Поедешь, Танька?» – «Конечно!». В общем, в автобус влезло кроме нас троих еще

четверо детишек помладше. Как не поехать, когда к порогу Светкиного дома на Прудовой подается впервые в жизни такой персональный транспорт, как автобус! Который будет ехать не по маршруту, а по нашему желанию туда, куда мы скажем!

Дом Светки на окраине городка. Ее мать в ночной смене. Отец спит в сараюшке. У него запой, и мать не велела дочке открывать ему дом и заходить в комнаты. Но дядя Володя и сам понимает, что провинился, и ложится спать в сараюшке. Он очень добрый и хороший. И всегда пригоршнями раздает конфеты нам, детям, когда не пьян. Мы часто проводим вечера возле Светкиного дома, сидим и болтаем на бревнах. Улица полна детворы. За домом поле, луг, лес.

Николай долго возит нас по окраинным улочкам. Мы высываемся из окон и орем от счастья: «А-а-а! Ура-ура! Мы едем-едем-едем! В далекие края! Веселые соседи, отличные друзья!...». Везет он нас с ветерком. Только что прошел дождь, и автобус поднимает целый веер брызг, когда мы проезжаем мимо стоящей у магазина райпотребсоюза стайки девушек постарше. Те тоже визжат и кричат друг другу: «Это Колька, посмотри, Настя! Колька!». «Физкультпривет!» – кричит Николай. Без остановки мы следуем по проселочной дороге полем. Лес встречает нас сумраком. Быстро наступает темнота, и почему-то заканчивается дорога. Это становится понятно, потому что едем мы медленно, автобус все время дает крен и заваливается то на один, то на другой бок. Где мы находимся, никто не знает. Наконец автобус резко бросает в сторону, и он утыкается в сосновый ствол. Мы летим вперед, едва успевая ухватить за плечи «веселых соседей и отличных друзей». Поднимается крик. «Я хочу домой», – начинает плакать самый младший. Остальные, набив синяки, режут без слов. «Ваня, разберись, что там? Куда мы? Спроси Колю!» – просит спокойная Света. И я тоже не беспокоюсь. Мне весело. «Тихо! – кричу детям. – Сейчас поедем, трусишки». Я же взрослая.

Иван возвращается из кабины автобуса: «Колька ж пьяный, напился и кемарит, на руль бошку положил... Тиха! Сейчас! – успокаивает он остальных. – Поедем, мошकारа! Сейчас! Идемте, надо его из кабины вытащить!». Мы начинаем понимать замысел Ивана. За руль сядет он. Ему пятнадцать. Он немного уже водил, когда

брат разрешал. Но... Вся трудность – как с водительского места стащить Николая. Разбудить же его не удастся. Заканчивается тем, что Иван просто сдвигает его на пол рядом с креслом. Тот складывается на полу в немыслимой позе, сопя и причмокивая от удовольствия. Рядом валяется фляжка, в которой, наверное, и заключался весь секрет веселости и дружелюбия Николая с самого начала поездки. «И чего это он?.. – бурчит Иван. – Давно ж завязал...»

Снова включается мотор. Фары освещают притихший густой лес, но как тут развернуться, Ивану пока непонятно. Света руководит его действиями. Я гляжу в темное открытое окно. После дождя лесные, травяные запахи волной идут в легкие. Дети режут. Запах сосновой смолы мешается с выхлопными газами, автобус выбирается, как слон из западни, медленно, иногда сползая назад. И вот мы все-таки едем! Поминутно то толкая то сосенку, то наезжая на куст, то на кочку, то, объезжая незаметный в траве окоп, каких тут после далекой войны еще много, нащупываем заросшую дорогу. А зимой мы катались здесь на лыжах! Да, узнаю наконец и ту высотку, которую брали красно-синие в нашей зимней военно-патриотической игре «Зарнице»...

Иван вырывается на проселок. «Ого-го! – кричит он и поглядывает на Свету. – Вы-ы-ходила на берег Ка-тю-ша!» Та улыбается и толкает меня под бок: «Ну, говорила я тебе, что будет здорово! С нами не пропадешь!». «Пра таво, ка-то-рава любила! Пра таво, чьи письма берегла!» – выводят осмелевшие и повеселевшие ребята. Дальше уже без приключений, даже с шиком, Иван разворачивает автобус возле Светкиного дома. Хотя очень поздно, ее, да и остальных детей, еще никто не хватился. Я прощаюсь с друзьями, предоставляя им самим решать, что делать с Николаем, и бегу домой на подламывающихся ногах. Все-таки было страшно.

Мама ждет на улице. Холодком пробирает ее спину и плечи от другого, неземного света, идущего во все стороны, идущего выше звезд, выше неба, ниже земли. Это сеется сияние невидимой луны, скрытой тучами. Звезда становится почти понятной, совсем близкой, но неожиданно ныряет в откуда-то взявшуюся густую черноту и выходит, уже недосыгаемой, над таинственной зеленой небесной поляной, которая тут же закрывается тенью

тучи. Я давно вижу свою маму, вприпрыжку несясь по гравию и песку дороги, проскакивая через не успевшие исчезнуть лужицы недавнего дождя, но приближаюсь к ней почему-то без возгласов, как будто знаю: мама здесь, значит, слова – излишни. У мамы, которая минуту назад, наверное, терзалась и перебирала в воображении все, что может случиться с пятнадцатилетней дочерью, тревога отходит от сердца. Я это вижу. Все на местах. Мир приобрел свои привычные черты. Запах жасмина разливается по влажному воздуху целого квартала. Прохлада становится все более ощутимой. И как будто со стороны я вижу: дочь поравнялась с матерью, обе постояли, взглянув друг на друга и, не сказав ни слова, и уже идут домой мимо рябин и жасминовых кустов, стряхивая краями одежды, локтями и коленями холодные капли дождя с листьев кустов и разросшихся георгинов под окнами.

